

Последняя форма является самой распространенной нетрадиционной формой брака в современном мире и «претендует» занять позицию наравне с традиционной семьей.

Современное трансформирующееся общество предлагает взамен традиционной патриархальной семьи, длительное время выступающей основной формой брака, качественно новый тип – эгалитарную семью. Последняя означает равное положение мужчины и женщины, где каждый из супругов выступает самодостаточной и полноценной личностью. Эгалитарный тип семьи постепенно распространяется в различных странах планеты, постепенно становясь традиционным типом в современном мире. Стоит отметить, что распределение домашних обязанностей в эгалитарной семье осуществляется демократично, в зависимости от того, у кого та или иная работа получается лучше. Борьбы за власть как таковой не происходит, потому что супруги ориентированы на интересы семьи и не стремятся командовать друг другом. Супруги дополняют друг друга, не преследуя собственные эгоистические цели. Это все должно создавать условия для гармоничной и счастливой семейной жизни.

Очевиден факт: история пока не предложила достойной альтернативы семье, существование которой на протяжении длительного периода времени, говорит о незыблемости и ценности данного социального феномена. Семейей современного общества должна быть эгалитарная семья, целью которой является создание и поддержание гармонии и благополучия современного демократического общества.

Литература

1. Доклад о развитии человека за 2002 год. Изд. по заказу ООН (ПРООН). Нью-Йорк, Оксфорд юниверсити пресс, 2002.
2. *Зидер Р.* Социальная история семьи в Центральной и Западной Европе (конец XVIII–XX вв.). М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997
3. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2002 / Минстат Республики Беларусь. Мн., 2002

ЖАН БОДРИЙЯР: МАССА, ТЕРРОРИЗМ И КОНЕЦ СОЦИАЛЬНОГО

Е. Ю. Васильева

Сказать, что оригинальный стиль философствования Ж.Бодрийяра – гиперкритицизм, значит не сказать ничего. Он пишет о смерти социального, мире симулякров и катастроф, в котором мы все живём. Чёрная дыра, куда проваливается социальное – *масса* – выступает основной характеристикой нашей современности. Бодрийяр говорит о массе как о

явлении «в высшей степени имплозивном», т. е. не «взрывающемся», не распространяющемся вовне, а наоборот, вбирающем, втягивающем в себя, поглощающим излучение созвездий Государства, Истории, Культуры и Смысла. Масса не является ни хорошим проводником политического, ни хорошим проводником социального, ни хорошим проводником смысла вообще [1, с. 5]. Призыв к массе, в сущности, всегда стаётся без ответа.

Стремление уточнить содержание термина «масса», по мнению автора, нелепо – это попытка придать смысл тому, что его не имеет. Говорят «масса трудящихся», но масса никогда не является ни массой трудящихся, ни массой какого-либо другого социального субъекта или объекта. Она вообще *не имеет социологической реальности*. У молчаливого большинства не бывает представителей. Массы – не институции, на которые можно сослаться. У таких классических социологических категорий, как «народ», «класс», «объективные условия» сегодня нет социального референта [1, с. 25]. Механизмы классической социальности – выборы, институции, инстанции репрезентации – теряют социальный смысл. По схеме сокрушения полюсов и круговращения моделей развёртывается симуляция не выражаемого и в принципе невыразимого социального.

Масса – это «*Пучина, в которой исчезает смысл*» [1, с. 13]. Автор приводит в пример взаимоотношения масс и Бога: они приняли во внимание его образ, но не идею божественного. Их увлекли не проблемы греха и личного спасения, а феерия мучеников и святых, пляски смерти, чудеса и представления. В результате они так и остались язычниками, довольствующимися иконами и суевериями.

Та же участь постигла все великие схемы разума: они внедрились в массы ценой крайней деформации. Массам преподносят смысл – они жаждут зрелища, им вручают послания, а они интересуются лишь знакомостью. Они ослеплены игрой символов и порабощены стереотипами. Дело не в том, что кто-то ввёл их в заблуждение, – дело в их внутренней потребности, в работе по поглощению и уничтожению культуры, власти, социального.

Представьте себе – ночь экстрадиции Клауса Круассана из тюрьмы Санте. Телевидение транслирует матч сборной Франции на отборочных играх чемпионата мира по футболу. Несколько сотен человек участвуют в демонстрации перед тюрьмой, несколько адвокатов заняты разъездами по ночному городу, и 20 миллионов граждан проводят вечер перед экраном телевизора, без всяких колебаний ставя футбольный матч выше человеческой и политической драмы. Рассуждать над причинами бесполезно.

Безразличие масс относится к их сущности. Любое упование на социальное изменение так и остаётся упованием по одной единственной

причине – массы уходят, самыми непостижимыми способами уклоняются от идеалов.

Безмолвие молчаливого большинства – вот единственная подлинная проблема современности. Молчащая масса совершенно неподконтрольна классическим социальным институциям и невосприимчива к содержанию информации. Появление молчаливого большинства нужно рассматривать в рамках целостного процесса исторического сопротивления социальному: труду, медицине, школе, информации [1, с. 49]: гиперконформизм большинства ведёт к гиперсимуляции, то есть усугублению симуляции социального и уничтожению его по его же законам.

Единственный феномен, который близок массе как виновнику потрясений и смерти социального, – это *терроризм* [1, с. 59]. Он держит под прицелом современное социальное: переплетение центров и структур, сеть контроля и блокировки – то есть то, что окружает нас со всех сторон и благодаря чему все мы оказываемся молчаливым большинством. Он отвечает на вызов гиперреальной социальности гиперреальным действием, погружённым в волны средств массовой информации и гипноза, черпающим свою силу не в области рефлексии и логики причинно-следственной зависимости, а в механизмах цепной реакции и передачи настроения.

Терроризм не есть столкновение антагонистических страстей или враждебных сил. Это равнодействующая сил безучастных, часть которых составляют инертные созерцатели телеэкранов. Это *обострённая форма безразличия* [2, с. 112]. Между терроризмом и поведением массы существует отношение эквивалентности: оба не направляются никакой идеей, оба не принадлежат никакой репрезентативности, оба не имеют никакого смысла. Их синхронное функционирование – единственное, что *по-настоящему знаменует собой конец политического и социального*.

Задача терроризма вовсе не в том, чтобы продемонстрировать репрессивный характер государства. Как раз для того, чтобы создать ситуацию, когда невозможно осознать, насколько он социально нелегитимен, в какой мере он не ведёт ни к каким политическим результатам и не вписан ни в какую историю, терроризм использует любые средства. Повсюду можно наблюдать прецессию СМИ в отношении террористического насилия [2, с. 112]. Его «отражение» – не цепь вызванных им исторических следствий, а рассказ, шокирующее сообщение в нём в СМИ – в сфере, являющейся если не областью мифа, то, во всяком случае, областью симулякра. Терроризм (в отличие от бандитизма, традиционного уголовного насилия или акций «коммандос»), не имеет ни цели (кроме, разве что, недостижимых), ни конкретного врага. Он остаётся самым со-

бой потому, что действует *везде, всегда и против всех*, в полном соответствии с абсолютной недифференцированностью системы, в которой нет различия между целями и средствами, палачами и жертвами. Своими действиями терроризм направлен как раз против главного продукта системы – анонимного, безликого индивида. Невинные расплачиваются за то, что они теперь никто, что у них нет собственной судьбы, что они лишены своего имени, лишены системой, которая сама анонимна и которую они же символизируют. Они – конечный продукт всемирной социальности, они теперь – *кто угодно*, и поэтому им суждено быть жертвами терроризма [1, с. 66].

Как раз в этом смысле, или, лучше сказать, в этом своём вызове смыслу, террористический акт сближается с катастрофами, происходящими в природе. Никакой разницы между подземным толчком в Гватемале и угоном «Боинга» Люфт-ганзы с тремястами пассажирами на борту, между «естественным» действием природы и «человеческим» действием терроризма не существует. Террористами являются и природа, и внезапный отказ любой технологической системы: крупные сбои в системах подачи электроэнергии в Нью-Йорке (в 1965 и 1977 годах) создали ситуации значительно более серьёзные, чем те, к которым приводили все до сих пор осуществлявшиеся спланированные террористические акты. Более того: эти крупные аварии технологического плана, как и катаклизмы природного характера, демонстрируют возможность радикальной подрывной работы без субъекта. Сбой 1977 года в Нью-Йорке мог бы быть устроен и хорошо организованной группой террористов, но результат оказался бы тем же самым. Последовали бы те же акты насилия и грабежи, точно так же стало бы нарастать возмущение происходящим и точно таким же мучительным было бы ожидание того, когда же наконец установится «социальный» порядок [1, с. 66]. Отсюда следует, что терроризм порождён не стремлением к насилию, а характерен для нормального состояния социального – в той мере, в какой это нормальное состояние в любой момент может превратиться в нечто прямо противоположное, абсурдное, неконтролируемое. Природная катастрофа способствует такому повороту событий и именно поэтому парадоксальным образом становится мифическим выражением катастрофы социального. Или, точнее, природная катастрофа, будучи в высшей степени бессмысленным и нерепрезентативным событием (разве что за ним стоит Бог), становится своего рода симптомом или наиболее ярким олицетворением особого состояния социального, а именно его катастрофы и крушения всех репрезентаций, на которые социальное опиралось.

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург., 2000.
2. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. – М., 2000.

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ЗЛА В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Д. Н. Гиргель

Зло является той универсальной категорией культуры, которая возникает от самого начала истории человечества – с появлением первых людей. Зло – это реальная боль чувствующего существа, оно непосредственно улавливается сознанием и передается в эмоциях. Восприятие зла является прямым и непосредственным переживанием какого-либо воздействия на личность. Существование зла не требует доказательств. Человек есть, следовательно, он претерпевает зло. Зло, творимое людьми осознанно и неосознанно, в истории человечества было проявлено в разнообразных формах (гладиаторские бои, крестовые походы, костры инквизиции), но содержание их не меняется от века к веку, так как душевное страдание и физическая боль были и остаются главными, как мне кажется, признаками зла.

В общепсихологическом плане зло это – опыт гибели, разрушения, отрицания смысла, предчувствие смерти, наличие силы, которая оказывает сопротивление нашим планам, самому нашему бытию. В философском осмыслении зло всегда и везде стремится к уничтожению, к обращению в ничто. Дионисий Ареопагит говорит в одном из своих больших перечислений, что зло есть «ущербность, недостаток, немощь, несоразмерность, грех, бесцельность, безобразие, безжизненность, безумие, бессловесность, необдуманность, безосновательность, беспричинность, неопределенность, бесплодность, бездеятельность, безуспешность, беспорядочность, несхожесть, неограниченность, темнота, бессущественность и само никогда ничего несуществование» [3, с. 30].

Зло является недостатком, лишеностью бытия. Зло – это недостаток добра. Такова классическая христианская точка зрения на природу зла. Хотя теория «недостатка» не отрицает реальной власти зла во вселенной или в человеческой душе, но отрицает его сущностное, метафизическое бытие, отрицает, что оно происходит от Бога. Эта теория уподобляет зло холоду, который есть всего лишь отсутствие тепла, но может убить, втягивая в себя тепло.

Размышлять над природой зла – один из способов его преодоления, естественно, имеющего психологический, а не онтологический итог. С